

КРИЗИС МОРАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ

Дороненко О. Е.
г. Екатеринбург, УрФУ

THE MORAL CRISIS IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF MORAL PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS.

Doronenko O. E.
Ekaterinburg, UrFU

Аннотация. В статье представлена авторская версия кризиса морали как кризиса философских оснований морали. Кризис философских оснований морали рассмотрен через основополагающие для новоевропейской философии идеи: автономия субъекта – рациональность – нравственное долженствование.

Ключевые слова: философия, этика, рационализм, нравственная идея, нравы, автономный субъект, кризис морали, опыт нравственной жизни.

Abstract. The article reveals the author's version of moral crisis as a crisis of the philosophical foundations of morality. This crisis of the philosophical foundations of morality examined through fundamental for modern philosophy ideas: the autonomy of the subject – rationality – moral oughtness.

Keywords: philosophy. ethics, rationalism, moral idea, morals, autonomous subject, moral crisis, experience of moral life.

Тематика и постановка проблем конференции ориентирует на обсуждение проблем в «контексте кризиса». Почти однозначно кризис нравственной идеи в современном мире при его философском осмыслении связывается с кризисом классической формы рациональности, с изъянами просветительского подхода к проблемам образования и воспитания. Многогранные и разносторонние толкования кризиса морали представлены в самом историко-философском процессе: наряду с новыми формами рациональности предложены новые способы построения философских этик, уже сами ставшие своеобразной философской «классикой постмодерна».

При всем многообразии подходов к пониманию кризиса морали можно выделить два основополагающих «вектора понимания» (своеобразной установки сознания), организующего аналитически-критическую работу мысли. Первая установка достаточно банальна: реальность не соответствует высоте нравственных

идей, люди предпочитают ценности другого порядка (в программе конференции обозначена проблема «нравственное долженствование или социальная эффективность»), нравы испортились окончательно. Другой вектор-направление критического анализа пытается осмыслить, оценить, пересмотреть сами основания нравственности, как они представлены в философии или даже сконструированы самой философией.

Казалось бы, первый подход сводится к банально-идеалистическому приговору: мир несовершенен и не совсем действителен, потому как неразумен. Этот подход присутствовал в европейской культуре всегда, поскольку философский идеализм является ее порождением и даже основанием, именно тем основанием, которое так шатается все века новоевропейской истории, но разрушается только в последний век. В этом временном обозначении скрывается не банальная социокультурная проблема: окончательное разрушение есть следствие накопленных во времени деструктивных эффектов (нравы ухудшаются и ухудшаются, массовое сознание на уровне консенсуса легализует ранее недопустимое), или в XX-ом веке произошла какая-то новая моральная катастрофа, что-то случилось с самим обществом. При данном подходе «что-то случиться» может только с самим обществом или группой людей, поскольку сам нравственный закон, как он понят философами, мыслится непогрешимым по природе своей, а вот несчастный человек никак не дотягивает до роли нравственного субъекта. Данный подход по своей критической направленности можно назвать экстравертированным, философские идеи и, тем более, категорический императив И. Канта неподсудны, критическая мысль направлена на все остальные (внешние по отношению к философии) формы жизни, социальной реальности и т. п. Экстравертированная критика скрывает за собой интроверта, самодостаточного автономного субъекта – идеал новоевропейской философии.

Интровертированная критика заставляет переосмысливать основания и результаты собственной деятельности, столь любимое философами «в себе и для себя бытие» философских идей, систем и самих философов как субъектов не только философии, но и реальной общественной жизни, в том числе, на уровне повседневности. Вектор анализа кризисного состояния моральной проблематики связан в этом случае с критическим анализом самих нравственных идей, с тем как

они обоснованы и эксплицированы в философии, также как в искусстве, журналистике, в целом, в общественной мысли. Может быть, к кризису морали ведет сама нравственная идея, как она разработана внутри философии? неадекватная интерпретация идеи? неумелая репрезентация? Законы Перикла (особенно в их нравственной интерпретации, данной самим Периклом) и этика Аристотеля, несомненно, с исторической достоверностью, способствовали улучшению нравов. Создание этических учений в Новое и Новейшее время явно не способствует улучшению нравов. Во временную параллель эволюции этих учений можно поставить нарастание деструктивных явлений в сфере нравов.

В существующей философской критике основной изъяз предшествующих философско-этических учений видят, как правило, в их исключительно рационалистической природе. Рационализм и идея нравственного должностования мыслятся как неразрывные. В результате предлагается идею заменить, например, эмерджентом, рационализм-эмотивизмом и т.п. Что дальше от повседневных практик реального человека – категорический императив И. Канта или «воображение», «повышенная чувствительность» Р. Рорти, сказать трудно, поскольку сама задача такого «измерения» нравственно бесперспективна. «Моральный консенсус» Ю. Хабермаса, казалось бы, вполне практически ориентированный, остается столь же недостижимым как идея безусловного добра, постулируемая этикой И. Канта.

Идеи как порождение новоевропейского рационализма регулятивную функцию выполнить не смогли. Констатация этого факта стала всеобщей. Но утверждение о том, что чисто философские идеи, идеи, конструируемые автономным разумом, не могут и не должны выполнить социально регулятивной функции по природе своей, не является столь же всеобщим. А в этом, среди прочего, скрыта одна из причин возникновения прикладной этики как особой дисциплины. Сводить прикладную этику только к бизнес этике совершенно абсурдно. Бизнес такой, каковы нравы общества. Прикладная этика может быть особой научной дисциплиной, если имеет и раскрывает свои, не сводимые к философской этике основания.

Философская идея как рациональная конструкция автономно мыслящего субъекта может выполнять регулятивную функцию в сфере познания (даже в этой сфере данная функция оспаривалась и оспаривается позитивистски настроенными

учеными). В сфере нравов утверждать (реализовать) регулятивную функцию автономно философской по своему происхождению идеи можно только на основе тоталитарного идеологического контроля. Мысль о том, что философский идеализм и тоталитаризм на уровне своих глубинных оснований взаимосвязаны, вполне уместна. Претензии рационализма на универсальность разоблачены в постмодернистской критике. Но бесконечные речевые игры постмодернизма сознательно или бессознательно направлены на то, чтобы скрыть, сделать бессмысленным сам разговор об основаниях (в этом само кредо постмодернизма).

Философская критика этических учений, созданных внутри самой философии, не затрагивает их предельных оснований, их происхождения – порождения разумом, целью и основанием которого в новоевропейской культуре является автономия. Философия может использовать свой интеллектуальный потенциал для понимания мирочеловеческих отношений во всей полноте смыслов, находить и прояснять скрытые смыслы, те самые предельные основания. Философы, стоя на плечах гигантов, могут даже конструировать смыслы, претендовать на формулировку новых идей. Но на каком основании эти идеи, сформулированные тем или другим, пусть даже очень талантливым мыслителем, должны приобрести регулятивную функцию? Но, одновременно, нравственность бессмысленна без регулятивной функции. Отождествлять кризис чисто философской рационалистической «этики долга» с полным уничтожением идеи (или нравственной практики) долженствования неправомерно и деструктивно. А именно это и произошло. В рамках новоевропейской философии идея долженствования могла быть аргументирована только «правами разума», и только такого разума, который сам утверждает себя как автономный. Но смыслы и практика долженствования не сводима только к традиции философского рационализма. Одновременно, «права автономного разума» и традиция рациональной аргументации – феномены не во всем и не совсем совпадающие.

Кроме того, философские идеи перестали быть идеями в исконном, культурологически и философски изначальном смысле этого слова. Не только в лингвистике, но и в истории философии хорошо известно, что идея, обычное для эллинов слово повседневного языка – *ιδέα* – с древнегреческого переводится как образ, вид, форма. Новогреческий допускает и закрепляет новоевропейские, фактически, латинствующие значения: мысль, замысел, понятие. Слово идея на

уровне языка теряет свой парадигмальный смысл. Идея в новоевропейской философии представлена не в форме образца, а в форме закона. Но именно нравственная идея по сути и по цели своей должна быть идеей в изначальном смысле слова – идеей-образцом. Для этого она должна быть таковой в самом своем происхождении. Формулировка закона является всеобщей и абстрактной, такова природа закона. Абстрактно-всеобщая формулировка закона порождает проблему его толкования и исполнения. Юридической силы нравственные законы, особенно сформулированные философами, к счастью, лишены. Рационалистическое обоснование в современной культуре свой универсализм утратило. А потому проблема исполняемости закона и даже верной или неверной его интерпретации остается всегда открытой. Такая открытость была бы безопасной и даже перспективной, если бы в происхождении своем новоевропейские этические учения и современное сознание не опирались на идею автономного субъекта.

Постмодернизм, критикуя и разоблачая новоевропейский рационализм, полностью унаследовал саму идею автономного субъекта. Из неразрывной для новоевропейской классики триады: автономия субъекта – рационализм – нравственная идея – «выживает» лишь идея автономии субъекта. Покинув сферу рационального знания, она переместилась в сферу общественного бытия. И очень даже расширила сферу своего влияния. «Овладевая массами» именно идея автономии субъекта уже толкуется как вседозволенность, как оправдание права на любые формы существования и самоидентификации. Думается, что существо данного процесса неплохо интерпретируется медицинской лексикой: идет процесс мутации, ослабив и почти уничтожив великое наследие античного рационализма (посредством его новоевропейской формы) ген-мутант автономии распространяется на общественную жизнь, деформируя ее, продуцируя и ее уничтожение. Никакого долженствования, никакой объективности, только самоидентификация! В юридической практике стран, позволяющих менять пол на основе собственных ощущений – «самоидентификации», существует ли ответ на вопрос, почему нельзя столь же произвольно «сменить возраст»? Может быть кто-то всю жизнь чувствует себя несовершеннолетним – никакой юридической ответственности. А кто-то – с тридцати лет ощущает себя в преклонном возрасте –

платите пенсию, стажа нет – хотя бы социальную. Объективно невозможно? Значит, не все еще объективные критерии утеряны?

В новоевропейском рационализме деструктивной является идея автономии субъекта, а не рационализм и идея долженствования как таковые. Стремление «похоронить рационализм» направлено, в том числе, на ослабление значения моральной аргументации. В ряде западных (по цивилизационному типу) стран заметно проявляется тенденция замены морали правом. На уровне права начинают легализоваться формы поведения, формы взаимоотношений, которые однозначно отторгаются любой (!) формой традиционной морали и даже не могут быть обоснованы в рамках хабермасовского морального консенсуса (поскольку привели к столкновениям в обществе). Именно отсутствие моральной легитимности на уровне всего общества заставляет форсировать правовую легализацию. Поскольку право вне морального обоснования лишено общественного признания, начинают добиваться моральной терпимости, подменяя ею легитимность. Идол толерантности не должен быть разрушен! Ссылка на философски обоснованное нравственное законодательство в данных проблемах бессмысленна: идею автономии субъекта и его неоспоримых прав породила сама философия, а идея долженствования в философии уничтожается вместе с критикой рационализма. Если именно в западной цивилизации постоянно апеллируют к праву, а право – это сфера долженствования, почему общепринятым стало утверждение о смерти «этики долга»? Для того чтобы закреплять в праве нравственно не обоснованные действия? Новоевропейская философия внесла свою и очень существенную лепту в само основание этих деструктивных процессов, неразрывно, на уровне сущности, связав идею нравственного долженствования с идеей автономии рационально мыслящего субъекта.

Путь понимания причин кризиса морали, направленный на критику собственно философских оснований морали (самокритика философии), выше условно был назван интровертным. И если экстравертированная критика скрывает за собой интроверта – автономного субъекта, то интровертированная критика (или критическая интроверсия), как минимум, стимулирует интерес, поиск ответов в сферах за пределами автономной философской мысли. Тем более, проекты восстановления целостности знания исторически существовали, возникали именно

как критика новоевропейских философских проектов и систем, и это стремление отличает именно русскую мысль.

Очевидно, что этот процесс многоаспектный. В завершении краткой статьи отметим только один аспект, связанный с процессом образования. Сфера нравственного действия – это сфера практического бытия, опытного осуществления. В ситуации кризиса обращение к образцам эффективнее, чем апелляция к абстрактно понятому закону. Биографии людей высокого нравственного достоинства, послуживших отечеству и отличающихся личным благочестием «выпадают» из всего (!) образовательного процесса. Хотя бы упоминание о реальных личностях в реальных обстоятельствах остается уделом только истории. Но «ссылка на личность» в преподавании истории не предполагает полноценной биографии, тем более, понимания духовно-нравственного смысла жизни. В искусстве мы имеем дело со сферой вымысла. Несмотря на эмоциональную убедительность, как важнейшее преимущество искусства, «нравственная проблематика» художественного произведения может иметь такое же отдаленное отношение к реальному нравственному поступку как и философские идеи. Кроме того, за достойными в художественном отношении произведениями далеко не всегда стоят авторы с опытом благочестивой жизни. Разрыв между идеями и реальной биографией в философии еще больше. Не все спускали соседок с лестницы, кто-то вел очень размеренную и пунктуальную жизнь. Но кого в истории философии, за пределами харизматичной античности, можно привести как пример опытного осуществления нравственной идеи? Ницшеанский вывод о том, что мораль – это лицемерие, маска вполне оправдан. Только, добавим, маска для самих философов, поскольку опыт осуществления жизни других людей свидетельствует об ином. Мы сами учим студентов играть масками. Опыт жизни достойных людей, документально зафиксированный в биографиях, проходит мимо нашего образования. Школьник такой опыт еще воспринять полноценно не может. С гуманитарными (человечными!) курсами в высшей школе он как-то не сочетается. Опытному познанию зла можно противопоставить только опытное делание добра, в процессе образования – хотя бы знакомство с образцами такого делания. Автор этих строк активно использует обращение к полноценному знакомству студентов с опытом жизни, рассмотрение духовно-нравственных основ государственной, военной, предпринимательской

деятельности, социального служения на основе реальной биографии в курсе «Религиозная этика» (для студентов специальности «Прикладная этика»). Допускаю, что история святости как опыт жизни, непосредственно воплощающей в себе духовные смыслы, раскрывающий в человеке непосредственное воплощение «образа Божия», изучается на специальности «Религиоведение». Это очень небольшие группы студентов, изучающие эти курсы в процессе специальной подготовки. Если к этому еще добавить сокращение часов на любые гуманитарные курсы, устранение личностного общения преподаватель – студент (переход на дистантные формы обучения), укрупнение групп и потоков, то ответ на вопрос, почему образование не способствует улучшению нравов, становится очевиден.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Думнова Э. М.

г. Новосибирск, Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
Новосибирский военный институт
войск национальной гвардии РФ

SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY: FROM THE ORIGINS TO CONTEMPORANEITY

Dumnova E. M.

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk Military Institute
of National Guard Troops

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации духовно-нравственных оснований современного российского общества, причины и последствия перехода от истоков духовной культуры к состоянию духовного кризиса современности.

Ключевые слова: духовно-нравственные основания общества, дегуманизация, ценности.

Abstract. The article analyses the problem of the transformation of spiritual and moral foundations of the contemporary Russian society, the causes and effects of the